Павел Бажов

Травяная западенка

Это не при нашем заводе было, а на Сысертской половине. И не вовсе в давних годах. Мои-то старики уж в подлетках в заводе бегали. Кто на шаровке, кто на подсыпке, а то в слесарке, либо в кузне. Ну, мало ли куда малолетов при крепости загоняли.
Тогда этот разговор про травяную западенку и прошел.
Так, сказывают, дело-то было.
Турчаниновские наследники промотались и половину заводов продали барину Саломирскову. Тут у них неразбериха и пошла.
Продать продали, а деньги с завода Турчаниновым охота получать по-старому. Саломирсков опять, наоборот, говорит:
- Я главный хозяин - мне и получка вся! А вам - сколь выделю. Спорили-спорили, сговорились нанять сообща главного приказчика. Пущай, дескать, хозяйствует, как умеет, а нам бы деньги выдавал, сколько кому по частям причтется.
Так-то, видно, им вольготнее показалось! Оно и то сказать: турчаннновски наследники сроду в заводском деле не мерекали, да и новый барин, видать, не мудренее достался. Он, сказывают, из каких-то царских ли, княжеских незаконных родов вышел. То ему и заводы купили и заслуг всяких надавали. Завсегда будто в белых штанах в обтяжку ходил, а на шапке от бусой лошади хвост.
В экой-то одеже в кричну либо сварочную не пойдешь! Под домну и вовсе не суйся. Да новый барин об этом и не скучал. По своему понятию другое ремесло придумал: жеребцов по кругу на веревке гонять.
У турчаниновских в ту пору барыня одна в головах ходила. Самая, сказать, умойная баба. Ей гору золота насыпь, - и от той пыли не оставит. Увидела эта барыня - Саломирсков жеребцами забавляется.
- Чем, - думает, - я хуже? Почище заведу!
И точно, цельный конский завод на Щербаковке поставила и тоже давай жеребцов гонять. Главный приказчик у них из нездешних случился. Паном почто-то его в глаза звали.
Ну, этот пан сперва барам семячек подсыпал. Поманил, значит. Которое продаст, которое заложит, руду под самым заводом брать велел, уголь чуть не на улицах жгут. Глядишь-и наскребет деньжонок. Барам этого и надо. Разговорами себя тешат:
- Это по началу так-то. Дальше лучше пойдет.
Приказчик видит - уверились в него бары, взял да и жогнул их, сколь мог. Наглухо, сукин сын, заводы в долги посадил, весь народ обездолил, а сам шапочку надел, да и в сторону.
- Прощайте-ко! Век бы на ваших жеребчиков да кобылок глядел, да недосуг мне. Два поместья купил, - хозяевать надо.
Тут промеж бар чуть не драчишка случилась. Один другого винят, ни в чем сговориться не могут, суд завели. Вот тогда они и придумали с глупого-то ума у одних печей нарозно хозяйство вести. Одна половина одного приказчика поставила, другая - другого. И мелкое начальство эдак же. Один так велит, другой на свое поворачивает. Путали-путали народ, потом и народ поделили. Одни, значит, стали турчаниновски, други-саломирсковски. Однем словом, беспутица. А хуже всего это по земельному богатству пришлось. Не о том забота, как бы найти да добыть, а как бы что новенькое другому хозяину не показать. Всяк про себя смекал:
- Присудят в мою пользу - тогда и буду добывать из нового места.
У барина Саломирскова на ту пору главным щегарем был Санко Масличко. Мужичонке плутяга, до всего донюхается, и в делах понимал. Для приисковых и рудняшных самый зловредный. А у турчаниновских щегарем был Яшка Зорко. Этот вовсе зря на такое место угадал. Он, конечно,

тоже смолоду по рудникам да приискам околачивался. Ну на смеху был.
Мужичище был быком, а рожа у него ровно нарошно придумана. Как свекла краснехонька, а по ней волосешки белые кустичкамн. Ровно известкой наляпано по тем местам, где у людей волос растет. И по голове эти же кустики прошли. За это и звали его Облезлым.
По-доброму-то пустяк это. Мало ли у человека какой изъян случится. Только Яшка шибко перед народом гордился. Дескать, я - приказный, а ты кто еси? Ну, Яшку и не любили. Да он еще похвалялся перед руднишными.
- Меня, - кричит, - не проведешь. Сдалека всяку вашу плутню разгляжу! Даром, что слепыш-слепышом. Еле мизюкал. Носом по чернилу водил, как писать случалось. Рудобой за эту похвальбу-то и стали звать его еще Зорком. Нет- нет - и поддернут:
- Наш Зорко, небось, рукавицу с шапкой не смешат. На аршин в землю видит. Кто-то возьми да и дунь это слово барыне Турчаниновой в ухо. Та, известно, заполошная, - схватилась:
- Где такой объявился?
Ей сказали - в обмерщиках, дескать, на таком-то руднике. Барыня призвала тут Яшку и спрашивает;
- Ты, верно, на аршин в землю видишь?
Яшке неохота перед барыней свою неустойку по глазам сказать, он и отвечает:
- Пониже наклонюсь, так всяк камешок разгляжу.
Барыня обрадовалась.
- Такого, - кричит, - мне и надо. Будешь главным щегарем на моей половине.
Яшке с малого-то ума это лестно.
- Рад, - отвечает, - стараться.
Барыня свое наказывает:
- Гляди, чтоб Саломирскову чего не донеслось, коли новое найдешь!
Яшка, понятно, хвостом завилял.
- Будьте в спокое! Будьте в спокое! Которое я открою, то ни единой саломирсковской собачонке не унюхать.
Таким случаем, значит, и стал Яшка главным щегарем на турчаниновской половине.
Сперва-то маленько побаивался. Нет-нет и притащит барыне мешочек с камешками с какого-нибудь старого рудника. Вот, дескать, какую штуку обыскал. Только у барыни один разговор:
- Гляди, как бы саломирсковски про это не узнали. Вот суд кончится, тогда и покажешь это место.
Ну, а суд когда кончится! Яшка видит, - спокойное дело, - вовсе осмелел. Покатывается на лошадке в седелышке по всей заводской даче - и все. Рожу наел - как не лопнет, а глаза все наприщур держит, будто на-даля глядит. Какие знакомые руднишные встретятся, завсегда. Яшке кукишку покажут, а сами наговаривают:
- Наше почтенье Яков Иванычу! Всю, поди, дачу вызнал, - эдак-то далеко глядишь!
Яшка, конечно, нос кверху. Пятнышки свои на губах погладит, да и говорит:
- Вкруте эко дело не поворотишь. Знаете, поди-ко, меня, - пустяком займоваться не стану!
Рудобои тут и примутся для смеху Яшке места сказывать:
- Поглядел бы ты по Габеевке. На пятой версте. Мне дедушко сказывал.
Другой опять на Березовый увал приметки говорит. Ну, разное. Кто куда придумает.
Яшка тоже, как вытный, порядок ведет. Вовсе будто к этому безо внимания, а сам, глядишь, и начнет поезживать по тем местам. Руднишным это и забавно. Раз в таком-то разговоре один рудобой и говорит:
- Что всамделе, ребята, вы к Яков Иванычу с пустяком липнете. Ему богатство открыть все

едино, что нам с вами плюнуть. Женится вот на вдове Шаврихе да укажет она ему мужеву ямку с малахитом, - только и всего. Будет тогда на нашей половине медный рудник, почище полевских Гумешек, Яковлевским его, поди, звать будут, а то, может, Зорковским? Как тебе больше глянется, Яков Иваныч?

Яшка, как ему в обычае, будто и не приметил разговору, а сам думает: "Верно. Был слушок, что покойный Шаврин где-то ямку с малахитом имел. Может, и впрямь вдова про это знает".

Яшка, видишь, в годах был, а неженатый. Девки его обегали; он и ладил жениться на какой ни на есть вдове. К Шаврихе-то он шибко приглядывался.

Совсем дело к свадьбе шло, да как раз барыня Яшку главным щегарем назначила. Ему и низко показалось на вдове из бедного житья жениться. Сразу дорожку в ту улицу забыл, где эта Шавриха жила. Года два, а то и больше не бывал, а тут, значит, и вспомнил. Стал на лошадке подъезжать. Дескать, знай наших! Не кто-нибудь а главный щегарь!

У вдовы к той поре дочь Устя поспела. Самые ей те годы, как замуж отдают. Яшка слепыш-слепыш, а тоже разглядел эту деваху и давай удочки под этот бережок закидывать. Мать видит, какой поворот вышел, - не сунорствует этому. Еще и радуется.

- Вишь, дескать, Усте счастье какое! Глядишь, - и я за Яков Иванычевой спиной в спокое проживу, никто тревожить не станет. Вон он какой начальник! Пешком-то и ходить забыл. Все на лошадке да на лошадке.

У Шаврихи тоже своя причинка была. Мужик-от у ней, покойная головушка, самостоятельного характеру был. Кремешок. Из-за этого, сказывают, и в доски ушел. Он, видишь, малахитом занимался, и слушок шел, будто свою ямку имел где-то вовсе близко от заводу. Ну, барские нюхалки и подкарауливали. Один раз чуть не поймали, да Шаврин ухитрился - в болоте отсиделся. Тут нездоровье и получил. А как умер, жену и стали теснить.

- Сказывай, где малахитова ямка!

Шавриха - женщина смирная, про мужевы дела, может, вовсе не знала - что он скажет? Говори по совести, а на нее пуще того наступают:

- Сказывай, такая-сякая!

Пригрожали всяко, улещали тоже, в каталажку садили, плетями били. Однем словом, мытарили. Еле она отбилась. С той вот поры она и стала шибко бояться всяких барских ухачей.

Устя у той вдовы, как говорится, ни в мать, ни в отца издалась.

Ровно с утра до ночи девка в работе, одежонка у ней сиротская, а все с песней. Веселей этой девки по заводу нет. На гулянках первое запевало. Так ее и звали - Устя-Соловьишна. Плясать тоже - редкий ей в пару сгодится. И пошутить мастерица была, а насчет чего протчего - это не допускала. В строгости себя держала. Однем словом, живой цветик, утеха.

За такой девкой и при бедном житье женихи табунятся, а тут на-ко - выкатил млад ясен месяц на буланом мерине - Яшка Зорко Облезлый! Устенька, конечно, сразу хотела отворотить ему оглобли - насмех его подняла. Только Яшка на это шибко простой. Ему, как говорится, плюнь в глаза, а он утрется да скажет: божья роса.

Устюха все ж таки не унывает.

"Подожди, - думает, - устрою я тебе штуку. Другой раз не поманит ко мне ездить".

Узнала, когда Яшка будет, спровадила куда-то мать, нагнала полную избу подружек, да и пристроила около порогу веревку. Как Яшке в избу заходить, Устя натянула веревку, он и чебурахнулся носом в пол, аж посуда на середе забренчала. Подружки смеху до потолка подняли, а Яшку не проняло. Поднялся, да и говорит:

- Не обессудьте, девушки, не доглядел вашей шутки. Привык, вишь, на-даля глядеть, под ногами-то и не заметил.

Что вот с таким поделаешь?
Другой раз Устинька шиповых колючек под седло яшкину мерину насовала. Мерин хоть и вовсе смирный был, а тут одичал - сбросил Яшку башкой на чьи-то ворота. Только Яшке хоть бы что. Подружки Устины вовсе приуныли.
- Как ты, Устенька, отобьешься! Стыда у Яшки ни капельки, а башка - чугунная. Гляди-ка, чуть ворота не проломил, а хоть бы что.
И Устенька тоже пригорюнилась.
Тут парни забеспокоились, как бы девку из беды вызволить. Первым делом, конечно, подкараулили Яшку в тихом месте, да и отмутузили. Кулаков, понятно, не жалели. Только Яшка и тут отлежался, а народу большое беспокойство вышло.
Бары хоть друг дружке не на глаза, а при таком случае, небось, в одну дуду задудели.
- Немедля разыскать, кто смел приказного бить! Эдак-то разохотятся, так - чего доброго - и барам неспокойно будет!
Занюхтили барские собачонки с обеих сторон. Виноватых, конечно, не нашли, а многим, кто на заметке у начальства был, пришлось спину показывать. На саломирсковской стороне палками тогда хлестали, а на турчаниновской - плетью. Которое слаще, им бы самим отведать.
Много народу отхлестали, а одному чернявому парню, - забыл его прозванье, - так ему с обеих сторон насыпали. Виноватее всех почто-то оказался.
Зато Яшка вовсе нос задрал. Барыня, вишь, придумала, что на Яшку озлобились за работу на барскую руку. Ну, хвалит, понятно потом спрашивает:
- Не надо ли тебе чего?
Яшка не будь плох и говорит:
- Жениться хочу. На девахе из вашего владения. Шаврихи-вдовы дочь - Устинья.
- Это можно. - И велела Шавриху позвать. Та прибежала, объясняет барыне: дескать, сама-то всей душой, да деваха супротивничает.
- Старый, - говорит, - да облезлый.
Барыня завизжала, заухала:
- Да как она смеет! Ее ли дело разбирать, кого в мужья дадут! Чтоб завтра же под венец!
По счастью, пост случился. По церковному правилу венчать нельзя. Осечка у барыни вышла. Призвала все ж таки попа и говорит:
- Как можно станет, сейчас же окрути эту девку! Без поблажки, смотри!
Наказала так-то и укатила в Щербаковку жеребцов гонять. Пришла Шавриха домой, объявила Усте барынину волю, а Устя ничего.
- Ладно, - говорит.
Задушевные подружки прибежали, болезнуют:
- Приходится, видно, - за облезлого выходить.
Устя и им отвечает:
- Что поделаешь! И с облезлыми люди живут.
Подивились подружки, - что с девкой сделалось! - убежали. Тут и сам женишок прикатил, а Устя его всяко привечает. Яшка и обрадовался:
"Поняла, знать, девка свое счастье. Теперь уж малахитовая яма моя будет".
Только подумал, Устюха и говорит ему навстречу:
- Спрашивают меня люди, не знаю ли про отцовскую малахитовую ямку, да я не сказываю.
Яшка башкой заболтал:
- Так и надо! Так и надо! Никому не сказывай! Мне только укажи!
- Тебе-то, - отвечает Устенька, - и подавно боюсь сказать. Еще откажешься тогда от меня.

Засмеют меня люди.
Яшка заклялся-забожился:
- Никогда не откажусь! И барыня так велела. Разве можно против барынина приказу итти?
Устенька еще помялась маленько, да и говорит:
- Страшное это дело, Яков Иваныч! Как бы худа тебе не вышло. Яшка расхрабрился.
- Никого не боюсь. Укажи место!
- То-то и есть, - отвечает Устенька, - что место, где богатство открывается, никому неизвестно. А могу я сказать, в которое время и где голос слушать.
- Какой, - спрашивает, - голос?
- А тот, который богатство-то указывает.
Тут Устенька и рассказала:
- Покойный тятенька так мне про это сказывал. Есть, дескать, близ Климинского рудника береза приметная. Всю ее губой-слезомойкой изъело, она и согнулась дугой. Только три прута здоровых остались, как три тычка по дуге поставлены.
Вот под этой березой надо стать ночью как раз в эту пору, когда травы наливаются. От Андрея Наливы до Иванова дня. В руках надо держать веник - банный опарыш и стоять крепко, не ворочаться, не оглядываться.
Тут и услышишь голос женский - песню поет. Потом этот голос тебя спросит, кто ты такой да зачем пришел. А как ты скажешь, полетят в тебя камни да песок, а голос опять спросит:
- Которое тебе надо?
Ты, как узнаешь на руку, что тебе надобно, так и кричи скорее:
- Вот это.
Голос тебе и укажет место. А там уже дело простое. Потяни в том месте за траву, - и откроется тебе западенка, как ход в гору, а там этого песку либо руды, сколь хочешь, хоть возами греби.
Только под березу надо пешком итти. На лошади поедешь - ничего не услышишь. И банный опарыш, смотри, из рук не выпускай! Да коли какой камешок в тебя угодит, потерпи как-нибудь, не закричи!
Выслушал Яшка этот разговор и в тот же день уехал березу искать. Нашел ловко. Все приметы сошлись.
Вечером взял Яшка мешок, спрятал в него банный опарыш, да и пошел на примеченное место. Ночью в лесу, хоть и летом, одному без огонька скучненько. Ну, Яшка об этом не думал, спозаранку считал, сколько ему из богатства урвать достанется. Стоит, как пень, - не пошевельнется и банный опарыш в руках держит. Как вовсе глухая ночь настала, слышит - голос женский запел. Тихонько и где-то совсем близко. Песня незнакомая. Яшка только и разобрал: "Милый друг, ясны глазыньки".
Потом голос спрашивает:
- Ты, молодец, кто такой будешь и зачем пришел?
Яшка назвал-звеличал себя, да и объясняет:
- Малахитовой руды доступить желаю.
- А ты, - спрашивает голос, - женатый али холостой?
- Холостой, - говорит Яшка.
- То-то! Женатым я не пособляю! - говорит голос. Потом опять спрашивает:
- Ты камнерез али рудобой?
- Я главный щегарь!
- Вон что! - вроде как удивилась та женщина. - Тебе, значит, всякой породы камни подойдут? Получай, нето, да выбирай, какой любее!

Тут посыпались в Яшку камни да песок. До того порно (от слова - пороть. прим.ск.) бьют, что едва на ногах Яшка держится, даром что мужик здоровенный. Не до того ему, чтобы породу выбирать, да и где такому в потемках на руку понять камень.
Одна плитка садчее других пришлась. Яшка ухватил ее, да и кричит недоладом:
- Эта вот самая! Эта!
Тогда женщина и говорит:
- Ладно. Приходи завтра в это же время к Карасьей горе. Там скажу тебе, что надо. - И объяснила, в котором месте дожидаться. После этого голоса не стало.
Яшка постоял еще сколько-то, потом давай по земле руками шарить, камни подбирать. Полон мешок нагреб и поволок его домой, как светать стало. Еле доволок, даром что чуть не половина камней по дороге через дырки в мешке высыпалась. Яшка и не заметил. Говорит еще:
- Вишь, как утряслось!
Стал дома камни разглядывать. Разное оказалось. Котора руда железная, которое - просто галька. Ну, и малахит есть. Та плитка, которую Яшка сперва ухватил и за пазуху спрятал, тоже малахитовая оказалась. Да и малахит-то поделочный, самого высокого сорту.
Обрадовался Яшка, про синяки и раны свои сразу забыл.
"Как бы, - думает, - не сорвалось! Что это она про женатых говорила? Ладно ли, что я жениться собираюсь?"
Раздумывать Яшке все ж таки не время. Засветло надо сперва оглядеться, а Карасья гора не близкое место. Запрятал мешок с породой, поел, да и поехал. Того и не думает, что за ним подглядывают.
Утром-то, как Яшка под мешком кряхтел, его видели саломирсковски прислужники и камешок - один или два - подобрали. У собачонок, известно, завычка, - как бы друг дружку подкусить. Сейчас же, значит, эти камешки своему барину представили.
- Вот-де с чем турчаниновский щегарь по городской дороге шел, а наш щегарь куда глядит?
Барин, как ему втолковали, чем эти камешки пахнут, не хуже жеребца на дыбы поднялся. Своему-то щегарю Санку Масличку малахитиной в зубы:
- Погложи-ко!
Санко завертелся:
- Буду стараться.
У барина свой разговор:
- Три дня сроку! Коли не узнаешь, из-под палок не встанешь!
Тут Масличко и заповорачивался. Первым делом погнал по городской дороге, - не оставил ли Яшка еще следочка, а дружкам своим наказал:
- Глядите за Яшкой!
На городской дороге ничего не нашел. Приехал домой, дружки и сказывают - туда-то Яшка проехал. Масличко в ту же сторону кинулся, да и подкараулил Яшку, а тот сослепу и не приметил.
К вечеру Яшка опять захватил мешок с банным опарышем, да и зашагал к Карасьей горе, а Масличко за ним крадется.
Добрался Яшка до большого камня и тут остановился. Достал что-то из мешка, перед носом держит, а сам стоит, не пошевельнется. И Масличко недалеко от того места притаился.
Как ночь глухая наступила, близенько от Яшки на траве светлячок загорелся. За ним другой, третий, да и насыпало их. Как западенку на траве обвели, и кольцо посередке. Только-только поднять, а тут женский голос и спрашивает:
- Это у тебя, молодец, на что банный опарыш?
Яшка, видно, вкруте не смекнул, как ответить, да и ляпнул:

- Невеста мне так велела.
Женщина вроде как осердилась:
- Как ты смел тогда ко мне являться! Сказано тебе - женатым не пособляю, а женихам и подавно!
Яшка тут и давай изворачиваться:
- Не сердись сделай милость! Подневольный человек - что поделаешь! Барыня это мне велела. Сам-то я только о том и думаю, как бы от этой невесты отбиться.
- Вот, - отвечает женщина, - сперва отбейся, тогда и ко мне приходи! Только не на это место, а на Полевскую дорогу. Знаешь Григорьевский рудник? Вот там , найди такую же березу, под какой первый раз стоял. Под этой березой и будет тебе западенка. Поднимешь ее за траву и бери, сколько окажется. - Замолчала женщина. Яшка постоял еще, а как светать стало, побежал домой. Ну, а Масличко остался. Хотел, видно, при свете то место хорошенько оглядеть.
Прибежал Яшка домой. Схватил мешок с камнями да айда-ко к барыне, в Щербаковку. Рассказал ей, вот-де штука какая выходит, и камни показал. Барыня, как поняла, сейчас завизжала:
- Не сметь у меня и заикаться о женитьбе! Надо о барской выгоде стараться, а не о пустяках думать! А попу да приказчику скажи, чтоб ту негодную девку обвенчали, как приказано. Пущай приказчик найдет ей жениха, да такого, чтоб хуже его не было!
Приехал Яшка домой, передал приказчику да попу барынин наказ насчет Устеньки, а сам ко Григорьевскому руднику побежал. До ночи искал березу - не мог найти. На другой день тоже. Так и пошло. Ходит около рудника с утра до вечера. Про то и думать забыл, что Иванов день давно прошел.
Отстрадовали люди, к зиме дело пошло, а Яшка все около рудника топчется - кривую березу ищет. Березы реденько попадаются, да все прямые. Какая Яшке сослепу кривой покажется, под той он до ночи стоит, а ночью примется траву драть. Начисто кругом опашет. Нет, не открывается западенка.
Однем словом, ума решился. Вовсе дурак стал. Из-за жадности-то своей. Барыня, конечно, пробовала лечить Яшку плетями, - будто он богатство Саломирскову продал, - да тоже ничего не вышло. Так, сказывают, и замерз Яшка на Григорьевском руднике, под березой.
А Санка Масличка у Карасьей горы мертвого нашли. И стяжок березовый рядом оставлен. Стяжок ровно легонький, да рука, видать, тяжелая пришлась. Может, Масличко близко к месту подошел, али еще какая опаска от него вышла, - его, значит, и стукнули. А может, и за другое. Тоже ведь было за что.
Барин Саломирсков по этому случаю жалобу подал:
"Турчаниновски моего главного щегаря убили и богатство спрятали".
Турчаниновски опять наоборот: "Саломирсков нашего главного щегаря с ума свел и богатство украл". Потом, конечно, на каждой половине других щегарей назначили, а наказ им все тот же:
- Гляди у меня! Как бы другая половина чего не нашла!
Ну, те и давай стараться волчьим обычаем. Только о том и думают, как бы свой кусок ухранить, а чужой из зубов вырвать. Дорогие пески пустяком заваливают, в пустые пески золотом стреляют, породу где не надо подбрасывают и протча тако. Мало сказать, путают, - начисто нитки рвут. Какому старателю посчастливит на новое место натакаться, того сейчас к приказчику волокут, а там один разговор.
- Зарой и забудь, а не то!.. Понял?
А как не поймешь, коли дело бывалое? Чуть кто заартачится, того с семьей на дальние

прииска сгонят, а то и в солдаты сдадут, либо вовсе с концом в Сибирь упеткают. Ну, а кто не упирается, - тому стакан вина да рублевка серебра. Просто понять-то.

Так вот и зарывали да забывали. Иное, поди, и вовсе зарыли да забыли. И не найдешь!

Про травяную западенку все ж таки разговор не заглох. Нет-нет, да и пройдет.

Ягодницы либо еще кто видели... Вовсе на гладком покосном месте подъехал мужик на телеге. Потянул за траву, и открылась ему западенка. Спустился он в эту западенку и давай оттуда малахитовые камни таскать да на телегу складывать. Закрыл потом пологом и поехал потихоньку, и западенки не стало. Насчет места только путают. Кто говорит - у городской дороги это было, где сперва малахитины-то нашли, кто - у Григорьевского рудника, где Зорко замерз. Другие опять сказывают, что у Карасьей горы, близко от того места, где Масличка нашли. Однем словом, путанка. Крепконько, видно, ту западенку травой затянуло...

А об Устеньке, что сказать? Ее, как Петровки прошли, замуж отдали. Приказчик вовсе и думать не стал, кого ей в мужья, сразу попу сказал:

- Виноватее такого-то у меня нет. Совсем от рук парень отбился. Кабы не хороший камнерез был, давно бы его под красную шапку поставил!

И указал попу на того чернявого парня, которого с двух-то сторон за Яшку хлестали.

Попу не все едино, с кого деньги сорвать? Обвенчал, как указано, да Устенька и не супротивничала. Веселенько замуж выходила и потом, слышно, не каялась. До старости не покинула девичьей своей привычки. Где по заводу песня завелась, так и знай - непременно тут Устя-Соловьишна.

С мужиком-то своим они складненько жили. Камнерез он у ней был, и ребята по этому же делу пошли. Нынешний сысертский малахитчик Железко из этой же семьи. Устинье-то он не то внучком, не то правнучком приходится. Кто вот слыхал про Соловьишну да Зорка, те и думают, что этот Железко про травяную западенку знает. Спрашивают у него: скажи, дескать, в котором месте? Только Железко - железко и есть: немного из него соку добудешь. Подпоить сколько раз пробовали, - тоже не выходит. Железка-то, сказывают, поить, как песок поливать. Сами упарятся: ноги врозь, язык на губу, а Железко сухим-сухохонек да еще посмеивается:

- Не сказать ли вам, друзья, побасенку про травяную западенку? В каком месте ее искать, с которой стороны отворять, чтоб барам не видать?

Вот он какой - Устиньин-то внучек! Да и как его винить, коли у него дело такое. Ведь только обмолвись, - сейчас на том месте рудник разведут, а где камень на поделку брать? Железко, значит, и укрепился.

- Ищите сами!

Ну, найти не просто. Барским-то щегарям тут, видно, кто-то и с умом пособил следок запутать. С умом и разбирать надо. А по всему видать, есть она - травяная-то западенка. Берут из нее люди по малости. Берут.

Вот кому из вас случится по тем местам у земляного богатства ходить, вы это и посмекайте. А на мой глаз, ровно ниточки-то больше к Карасьей горе клонят. У этой горы да Карасьего озера и поглядеть бы! А? Как, по-вашему?